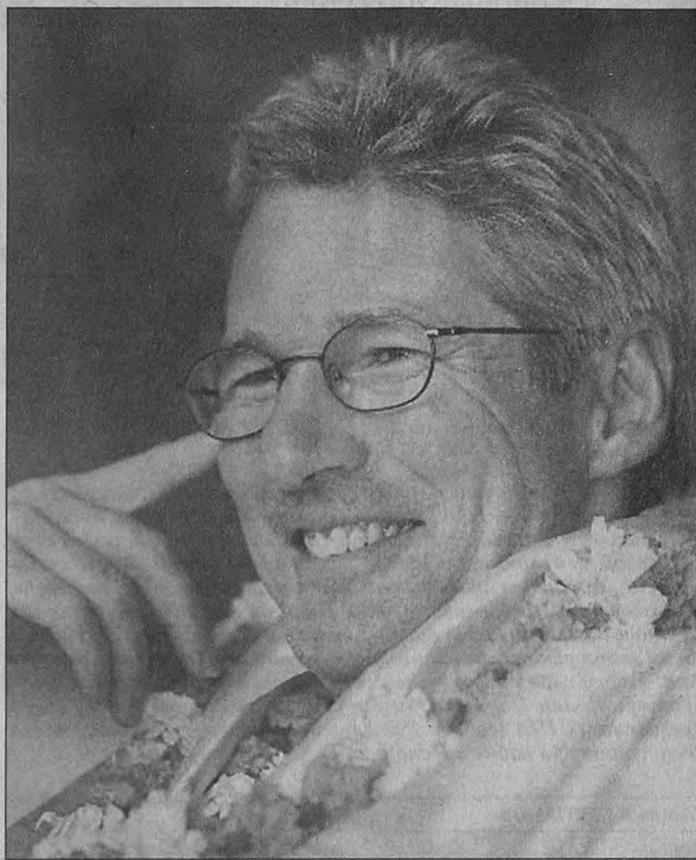

Гир Ричард

Ричард ГИР, актер: К своему имиджу секс-символа отношусь спокойно

Позавчера вечером открылся Берлинский кинофестиваль — киноверсией мюзикла «Чикаго», которая наверняка станет в этом году главным фаворитом «оскаровской» гонки. Три главные роли в «Чикаго» играют Рене Зельвегер, Кэтрин Зета-Джонс и Ричард Гир. В Голливуде Гира политкорректно называют «одним из самых известных и уважаемых актеров своего поколения». На самом деле он, конечно, один из самых известных и уважаемых актеров вообще. В Берлине с Ричардом ГИРОМ встретился обозреватель «Известий» Юрий ГЛАДИЛЬЩИКОВ.

Известия. - 2003. - 8 февр. - с. 13.
— Кэтрин Зета-Джонс призналась, что для нее играть в мюзикле было намного сложнее, чем в любом другом фильме. Для вас-то, наверное, это не было проблемой?

— Петь — не было. Когда я меньше месяца назад получал за роль в «Чикаго» «Золотой глобус» то, протянув статуэтку к залу, сказал: «Спасибо, мама. Этот приз твой». Потому что именно маме я обязан своим музыкальным воспитанием. Я с детства привык заниматься музыкой и никогда не плакал — ни когда надоело, ни когда пальцы болели. Но вот танцевать в «Чикаго» было гораздо труднее. Особенно трудной была сцена, где мне надо бить степ. Я честно сказал режиссеру Робу Маршаллу: «Насчет степа — давай по-

глядим. Я постараюсь и буду много работать, но в результате не уверен».

— Вы долго тренировались?

— О, много месяцев. Меня обучала бывшая танцовщица Боба Фосса Синтия Онрубиа. Мы начали заниматься за два месяца до начала съемок — и продолжили весь съемочный период, день за днем, лишь иногда через день. Нет-нет, я вспоминаю то время с приязнью. Но это была самая тяжелая мастерская в моей жизни — не случайно я попросил отложить съемки сцены со степом на самый последний момент. Мастерские по боксу, по бегу, которые я некогда пережил, дались мне гораздо легче. Вообще тренировки — штука депрессивная.

(Окончание на 3-й стр.)

Ричард ГИР, актер: К своему имиджу секс-символа отношусь спокойно

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Вы сразу согласились сниматься?

— Да. Мне понравился, что в сценарии присутствовали четыре вечные человеческие темы: гнев, жадность, зависть и одиночество. Еще понравилась Зельвегер, которой — из корысти — помогает мой герой-адвокат, когда она попадает в тюрьму за убийство, достигает всего, чего жаждет, но остается одинокой.

— Вообще-то вы как выбираете роли?

— Вы можете не верить, но, когда я читаю сценарий, меня интересует не столько моя личная роль, сколько фильм в целом. В «Чикаго», например, ме-

жду привлекло противоречие между эмоциональными персонажами героини, вполне реалистическими, и театром в ее голове: она постоянно живет в воображаемом мире, и этот мир как раз и проявляет себя на экране в музыкальных номерах.

— Основная тема «Чикаго» — как людей завораживает шоу-бизнес, как они жаждут добиться известности любой ценой. Считаете ли вы лично эту тему важной?

— Да, безусловно. Жажда известности — это, в общем-то, смешное, детское желание. Я хочу, чтобы мой портрет поместили в газете и чтобы я хорошо выглядел... Как говорит героиня «Чикаго»: господа, я выиграю процесс, но никто меня не сфотографировал. Но это дет-

ское желание губит жизни. Совершено серьезно. Многие люди живут только мечтой о славе.

— А вас мечта о славе никогда не одолевала?

— Сейчас по крайней мере не одолевает.

— Считаете ли вы, как и ваш партнер (хотя и обаятельный) временном мире — это часть шоу-бизнеса и обществом правит не закон, а законы шоу?

— Да, с этим безусловно согласен. Пожалуй, тут даже нечего доказывать.

— Можно более личный, хотя и творческий вопрос? По мемуарам прокатилась фраза актрисы Лоры Линни, что женщины всей планеты моментально испытали физическое удовлетво-

рение, когда вы в январе получили свой «Золотой глобус». В чем причина того, что такой секс-символ, как вы, все чаще изображает в кино мужчину-неудачника? В «Сбежавшей невесте» от вас долго бегает Джулия Робертс. В «Докторе Т. и его женщинах» к вам потрещались ски относится Хелен Хант. В «Неверной» вам неверна играет вашу жену Дайан Лейн.

— Причина? Да нет никакой причины. Мне захотелось сняться — и все тут. Я вообще очень спокойно отношусь к своему — кем-то вымышленному — имиджу. Вчера на пресс-конференции «Чикаго» кто-то уже вспомнил в своем вопросе о фразе Лоры Линни, и я в шутку ответил, что если так, то сидите по обе стороны от меня Ре-

не Зельвегер и Кэтрин Зета-Джонс должны испытать физическое удовлетворение прямо сейчас. А потом спросил, кто испытывает его еще из женщин в зале. Журналисты засмеялись. Мне тоже смешно.

— Хорошо: тогда вопрос политический — к вам как правозащитнику. Как вы относитесь к конфликту вокруг Ирака?

— Вы ожидаете ответа неординарного? Его не будет. Все артистическое сообщество в Америке, уж точно в Нью-Йорке, который отдичается от остальной Америки, имеет единое мнение: Ирак — не место для войны и для жестокости. Мы не ощущаем опасности, исходящей от Ирака. Нам не предоставили достаточных обоснований вины Ирака.

— Вы чувствуете личную ответственность за происходящее в политике?

— Да, все происходящее важно для меня лично. Происходящее в Тибете, например. Ваше счастье — это мое личное счастье. Все происходящее изменяет мир. Сейчас меня очень занимает ситуация в Индии (подробно, с процентами, объясняет, что именно его занимает). Я — буддист и ощущаю свою связь со всем миром. (Тут приходит распорядительница и говорит, что Гиру пора идти для интервью в комнату 321. Гир это странно забавляет, и он, поправившись, уходит, повторяя: «Free to one», что можно, в конечном счете, интерпретировать как «свободу каждому».)

Берлин